

Виктор Есипов. Переписка А. С. Пушкина с А. Х. Бенкендорфом.**СПб.: Нестор-История, 2021. — 192 с.**

Через три недели после конфиденциальной аудиенции Пушкина у Николая I в Кремле Бенкендорф по поручению императора написал поэту письмо. В нем официально подтверждалась устная договоренность между императором и поэтом: царь обязывал Пушкина знакомить его со всеми его новыми произведениями и при этом брал на себя функции цензора, предоставлял право ездить в Петербург когда угодно, но с условием, чтобы он заранее извещал об этом письмом. Бенкендорф сообщал, что свои произведения Пушкин может отправлять непосредственно монарху или через него, Бенкендорфа. Уведомлял: «Его Величество совершенно остается уверенным, что вы употребите отличные способности ваши на передание потомству славы нашего Отечества, передав вместе бессмертию имя ваше». Это письмо от 30 сентября 1826 года стало началом многолетней переписки поэта и Бенкендорфа (1826–1836). За 10 лет Бенкендорф написал Пушкину 32 письма, Пушкин Бенкендорфу — 54. Последнее письмо Пушкина Бенкендорфу связано с преддзельной историей. По числу сохранившихся писем Пушкина Бенкендорф уверенно входит в тройку «лидеров-адресатов», в этом отношении его опережают только Наталья Николаевна и Вяземский. В книгу включены все письма из переписки Пушкина и Бенкендорфа, а также «Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I о Пушкине», «Дела III Отделения собственной Е. И. В. канцелярии об А. С. Пушкине» и другие документы. Все письма прокомментированы. На такой документальной основе Виктор Есипов рассматривает взаимоотношения А. Пушкина и А. Бенкендорфа, поэта и царя. В советском литературоведении за Бенкендорфом и Николаем I утвердилась и в значительной степени все еще сохраняется антитеза «гонителей Пушкина», «душителей свободы». То, что Александр Христофорович Бенкендорф (1781/1783–1844) был весьма далек от искусства, не вызывает сомнений, но и личностью, констатирует В. Есипов, создатель и первый шеф политической полиции — III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии — был далеко неординарной. Боевой генерал, он воевал на Кавказе, участвовал в русско-прусско-французской войне. В 1811 году добровольцем отправился на войну с турками: с Чугуевским уланским полком наголову разбил вражеские отряды под крепостью Рушук. Это Бенкендорф с партизанским отрядом первым ворвался в освобожденную от французов Москву, это его казаки загасили фитили, тянувшиеся под соборы и башни Кремля к бочкам с порохом. Герой Отечественной войны 1812 года, геройски вел он себя и во время разрушительного осеннего наводнения 1824 года: спасая людей, лично полез в ледяную воду. После смерти Александра I великий князь Николай смог опереться на Бенкендорфа, что заложило основы их дружбы. Николай I доверял Бенкендорфу безгранично. По приказу царя Бенкендорф стал одним из главных следователей по делу декабристов. И именно благодаря Бенкендорфу на допросах не унижали честь и достоинство арестованных, он ходатайствовал о смягчении участи подсудимых. В монографии воссоздается атмосфера сложных и противоречивых отношений поэта и посредника между ним и царем. Бенкендорф предстает не только верным слугой императора Николая I, но и человеком, то и дело оказывающим Пушкину разного рода услуги.

Пушкин часто обращался к Бенкендорфу за разрешениями разного рода: на поездки, на печать, на издание журнала, за допуском к архивным материалам, а также в поисках защиты от цензурных притеснителей и с оправданиями в случаях недовольства власти. Постоянная нехватка денег, связанная с необходимостью вести после женитьбы и назначения камер-юнкером великосветский образ жизни, вынуждала просить через Бенкендорфа у царя денежные ссуды, обращаться с просьбами житейскими, имущественными. Бенкендорф порой распекал Пушкина, делал выговоры, давал разумные советы, оказывал помощь в щекотливых ситуациях, всегда был доступен и корректен. В их переписке неизменно присутствовал исключительно вежливый тон, встречаются взаимные комплименты, благодарности Пушкина царю и Бенкендорфу за ту или иную помощь. По мнению автора, переписка показывает, что и отношения, существовавшие в течение многих лет между Николаем I и Пушкиным, в простую схему не укладываются, тем более им не соответствуют примитивные представления, распространенные в советское время, по которым Николай I представлялся лишь притеснителем Пушкина и чуть ли не виновником его гибели. Монарх не раз проявлял к Пушкину расположение, неизменно оказывал ему поддержку в критических ситуациях, в том числе и крупными денежными ссудами, а после смерти поэта — его осиротевшей семье. «Историю Пугачева» он повелел напечатать без цензуры, «как сочинение уже удостоенное Высочайшего прочтения, и на казенный счет». Примеров действительного позитивного участия царя в судьбе поэта немало. Другое дело, что между императором и поэтом существовало концептуальное противоречие: император считал, что только воспевание славы Отечества, понятого как существовавшая в то время система, гарантирует поэту бессмертие. Пушкин имел отличный взгляд, позднее сформулированный в «Памятнике»: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в мой жестокий век восславил я Свободу / И милость к падшим призывал». Прагматизм властей в отношении поэта точно выразил в письме Николаю I Бенкендорф: «Он все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно». Упрощенно-примитивные представления советского времени о взаимоотношениях царя и Пушкина, Бенкендорфа и поэта, окончательно развеиваются в статьях, помещенных в приложениях. Статья «Царь и Бенкендорф в противостоянии Пушкина и Булгарина» посвящена двум эпизодам из литературной борьбы Пушкина с Булгариным, вовлеченными в которую оказались царь и Бенкендорф: первый эпизод связан с седьмой главой «Евгения Онегина», второй — со стихотворением «Моя родословная», ответом Пушкина на выходку Булгарина. В обоих случаях Николай I встал на сторону Пушкина. В статье «Пушкин в переписке графа Бенкендорфа с императором Николаем I» уточняется характер взаимоотношений Пушкина с верховной властью. В статье «„Царь“ или „князь“? (К истории публикации стихотворения „Анчар“» доказывается, что замена в стихотворении слова «царь» на «князь» связана не с личностью Николая I, а с тем, что содержание «Анчара» оказалось созвучным обвинениям России, раздававшимся в Европе в связи с русско-польским противостоянием начала 30-х годов XIX века.

Виталий Ремизов. Толстой и Достоевский. Братья по совести. М.: РГ-Пресс, 2019. — 688 с.

Преодолевая установившуюся в литературоведении традицию противопоставления Толстого и Достоевского (несхожие типы личности, кардинально противоположные биографии, различное материальное состояние, разные типы художников), Вита-

лий Ремизов ищет ответ на вопрос: как относились друг к другу Достоевский и Толстой? Впервые с возможной полнотой представлено все, что думали, говорили и писали друг о друге два великих современника. Отзывов критиков, литературоведов о творчестве писателей, об их взаимоотношениях в книге нет. Исключения сделаны только для Е. Леонтьева и Н. Лескова, вступивших в спор о «наших новых христианах», Толстом и Достоевском. Но все четверо были знакомы, а сама сущность спора являла собой суждения о главных проблемах творчества Толстого и Достоевского. В качестве источников автор использует полные собрания сочинений Л. Толстого и Ф. Достоевского, мемуарную литературу, дневники и статьи современников. Фрагменты произведений Толстого и Достоевского, цитаты из их статей, лаконичные комментарии автора. В. Ремизов собирает воедино все имеющиеся сведения и упорядочивает их. Хронологический путь, по его мнению, являл бы собой набор бессвязных фактов, и в основу он взял проблемно-тематический принцип с опорой на хронологический ряд. История отношений, включая драматическое «покушение» Н. Страхова на Достоевского, воссоздана в сорока главах, каждая из которых выстраивается вокруг актуальной проблемы не только века позапрошлого, но и нынешнего. Русских мыслителей волновали одни и те же вопросы. Среди них психология ребенка, его страхи, характерные мысли обидевшихся детей: «как я буду в гробу лежать, и все будут надо мной плакать, а себя обвинять, что были со мной такие жестокие...» (Достоевский, «Идиот»). Аналогичные настроения, в том числе страстное желание любви от близких людей, испытывают и дети-персонажи Толстого. Оба писателя придавали огромное значение просветительству, много размышляли о состоянии образования в России и методах обучения. И оба считали необходимым глубокий подход к изучению детьми русской истории, но каждый предлагал свой путь решения проблемы. Достоевский рассматривал русскую историю как факт самобытного существования, который еще не стал достоянием всего человечества, но который рано или поздно скажется положительно на развитии западной цивилизации. Толстой считал важным изучать русскую историю, исходя из контекста современной действительности, жизни всего человечества. Казалось бы, разница невелика, но она принципиальна по сути. Среди записей Достоевского есть и такая: «Толстой говорит: Если, преподавая детям историю, удовлетворять патриотическому чувству, то выйдет 1612 или 1812 годы, а более ничего. Глубоко неверно и ужасно грубо: всякий факт нашей жизни, если осмыслить его в русском духе будет драгоценен детям, не потому вовсе, что мы там-то и тогда-то отбились, приколотили, прибили, убили, а потому, что мы всегда и везде, в 1000 лет, в доблестях наших и падении нашем, в славе нашей и в унижении нашем, были и остались русскими, своеобразными, сами по себе. Русский дух драгоценным будет. Не мысль славянофильская о том, что Россия предназначена к великой роли в будущем относительно западной цивилизации противна западникам, а идея, одна мечта о том, что Россия тоже может подняться, быть чем-нибудь хорошим, благообразным; Россию они ненавидят — вот что прежде всего». Тема «европейцы и русские» волновала обоих писателей. Размышляя о новой Руси, Достоевский писал: «...она знает, что она уже кончила с вашей европейской цивилизацией и теперь начинает новую, неизмеримо широкую жизнь. ... Не цивилизацию несет она всем русским, а науку, добытую из вашей цивилизации». И Толстого, и Достоевского волновали проблемы сословий и социального неравенства, распад дворянской семьи. Автор отмечает, что они понимали важность любви к Богу и ближнему и резко критиковали весь ужас капиталистического угнетения личности и народов, торжества свободы без берегов, лишаящей человека рычагов сдерживания варварских инстинктов. Мечтая о всемирном братстве, верили в силу любви Божеской и спасительной. Но в центре их внимания всегда был человек, кон-

кретная личность, от свободного выбора которой зависела судьба мира. У них было много общего во взглядах на народ: оба сходились в понимании того, что либеральные народники, не зная народ, на каждом шагу стремились поучать его. И Толстой, и Достоевский на протяжении всей жизни размышляли о назначении человека. И оба пришли к выводу (столь актуальному сегодня) о необходимости для народа общей, руководящей идеи. «Есть у народа идеалы или совсем их нет — вот вопрос нашей жизни или смерти... Без идеалов, то есть без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности. Даже можно сказать положительно, что ничего не будет, кроме еще пущей мерзости» (Достоевский). Они никогда не встречались, два великих человека России, но на страницах этого издания разворачивается диалог, который они вели с молодости. Высота духовного развития каждого из них позволила им, несмотря на отдельные разногласия, отыскивать точки соприкосновения, быть братьями по совести. Они испытывали неподдельный интерес к творчеству друг друга. Автор романа «Война и мир», который восторженно был встречен Достоевским, мог сказать о князе Мышкине — «бриллиант», конечно, бриллиант русской литературы. В своем неосуществленном романе «Житие великого грешника» Достоевский хотел приблизиться по «художеству» и масштабу охвата событий к роману «Война и мир». Соприкасаются миры Пьера Безухова и Ивана Карамазова. Проблемно-тематический принцип, предложенный В. Ремизовым, позволяет увидеть то общее, что единит двух гениев. Собранный в книге материал убеждает в том, что они находились в постоянной духовной связи. Среди предложенных тем есть и такие: религиозные взгляды, нравственность, будущее человечества, Достоевский и его герои в романах Л. Толстого, Достоевская о муже и Льве Толстом. Завершают книгу статьи В. Ремизова: «Мир, война и „славянский вопрос“. Ф. И. Тютчев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой»; «Этический триумвират. Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, К. Д. Кавелин. Спор о России и судьбах народа»; «„Я есмь, и я люблю...“». Л. Н. Толстой за чтением „Братьев Карамазовых“».

Я/сновидения Набокова. Сост., публ. и коммент. Г. Барабтарло; Пер. с англ.

Г. и А. Барабтарло. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. — 232 с.: ил.

14 октября 1964 года Владимир Набоков начал любопытный эксперимент. В течение восьмидесяти дней он записывал свои сны, следуя инструкциям британского философа Джона У. Данна. В результате возник уникальный дневник, в котором Набоков записал на 118 карточках свои шестьдесят четыре сна, сны жены и последующие дневные комментарии. Джон Данн, британский аэронавт начала XX века, инженер, эксцентричный писатель и оригинальный мыслитель, вошел в историю философии XX века как создатель многомерной модели времени. Теория Данна, разработанная на основе многолетних экспериментов, заключается в том, что в реальности прошлое, настоящее и будущее в некотором смысле происходят «вместе». Проанализировав известный феномен сбывающихся («пророческих») сновидений, он пришел к выводу, что во сне человек перемещается в свое будущее по четвертому пространственно подобному временному измерению. И во сне мы видим перемешанные и перепутанные фрагменты прошлых впечатлений и того, что случилось с нами в будущем времени. Образы прошлого опыта смешаны с образами опыта из будущего приблизительно в равных пропорциях. И сны действительно могут быть предупреждением будущего события, что, между прочим, дает удовлетворительное объяснение известному феномену дежавю. Тайну времени и тайну смерти В. Набоков обдумывал всю свою созна-

тельную жизнь. «В известном смысле каждую ночь Набоков ставит опыт со временем, причем в тех условиях, в которых термин „хроническое“ возвращает себе первоначальное значение и вводит время в область философскую, и далее — в потусторонность, которую Набоков изучал и в жизни, и в своих сочинениях, днем и ночью, — мир, где „времени больше не будет“», — пишет об эксперименте Набокова Г. Барабтарло. Эксперимент Набокова осенью 1964 года являлся настойчивой попыткой исследовать собственные фрагментарные сновидения под дневным освещением, обнаружить переплетения повседневности и мира сновидений, проверить теорию, что более позднее по времени событие находит отражение в более раннем сне. Эксперимент оказался сложным: трудно вспомнить при пробуждении и удержать сон, его обрывки требовалось записывать сразу же. Набоков, человек с колоссальной, прекрасно тренированной памятью, обладавший немислимой остротой восприятия, кропотливо, по возможности точно и полно фиксировал свои сны. Его записи компактны и полны деталей. Дневник сновидений Набокова, впервые опубликованный, сопровождается статьей и комментариями Геннадия Барабтарло, американского литературоведа и переводчика, одного из крупнейших исследователей творчества писателя, публикатора снов Набокова. В книге пять частей. В первой рассматривается главная психофилософская задача о функции памяти в мире сновидений; излагается теория Д. Данна о серийном времени в сопоставлении с исследованием Павла Флоренского о динамике времени во сне — области соприкосновения двух миров, видимого и мнимого; описывается эксперимент Набокова. Вторая часть «Дневник сновидца» содержит впервые аннотированные тексты снов Набокова (и его жены), записанные осенью 1964 года. В третью часть включены записи избранных из дневников и писем Набокова его снов до и после эксперимента 1964 года. В четвертой части собраны вымышленные сны героев книг Набокова. Последняя, пятая часть касается главной темы книги — трактовки Времени Набоковым, гипотезы о возвратности времени. Пространственное возвращение времени — проблема, над которой бьются наиболее глубокомысленные герои Набокова (Ван Вин, Вадим Вадимович Н.). Все тексты писателя прокомментированы по ходу исследования. Г. Барабтарло расшифровывает связи снов Набокова с реальными событиями из жизни, обнаруживая то, чего не мог осмыслить сам писатель. Да и мог ли Набоков понять значение прозвучавшего в одном из его снов названия Сен-Мартэн, — а именно в похоронном заведении Сен-Мартэн в Вевэ будет кремировано его тело. Не вспомнил Набоков, что один из его снов ясно и близко воспроизводит два эпизода из его рассказа «Посещение музея» (1939), — это увидел Г. Барабтарло. В 1964 году Набоков увидел сон, где он встает с постели и понимает, что вдобавок к какой-то унылой старой болезни вдруг заболел тяжелым бронхитом, а именно бронхит через тринадцать лет станет непосредственной причиной его смерти. В комментариях Г. Барабтарло «странные» совпадения снов Набокова и фактов из его жизни. Отголоски снов писателя он находит в его произведениях, исследует роль снов в его творчестве. Исследователь отмечает, что персонажи Набокова видят сны в более широком диапазоне, чем их создатель, что в художественных произведениях Набоков сочинял сновидения персонажей, исходя из собственного сновидческого опыта (память) и тех вымышленных снов, которые были изготовлены на случай (воображение). Г. Барабтарло указывает, что в трех своих опубликованных романах и одном неоконченном, сочиненных после эксперимента, писатель уже по-новому обращается с измерением времени. Он приводит примеры ясновидческих прозрений писателя. Так, в рассказе «Ланс», написанном за десять лет до того, как Землю можно было увидеть из космоса, Набоков с поразительной точностью изображает, как Земля будет выглядеть с другой планеты. Г. Барабтарло дает вслед за Набоковым классификацию снов. Исследователь по-

лагают, что Набоков намеревался придать своему эксперименту литературную форму. Не случилось. Вот как о книге Г. Барабтарло отозвалась доктор философии по специальности «Славистика» Гарвардского университета (США), знаток творчества Набокова О. Воронина: «Все пять частей изящно написанной и составленной книги нацелены на одно: показать, насколько сильным было желание Набокова заглянуть за пределы физически доступного нам мира и разгадать загадку смерти. Сны были для него тропинками в непознаваемое, как и размышления о природе времени, проникнуть в которую позволяет искусство, единственно способное отразить связь между сновидениями и вечностью».

Елена Воскобоева. История издательства «Картонный домик»: Антология. СПб.: Петрополис, 2020. — 360 с.: ил.

Петроградское издательство «Картонный домик» просуществовало три года (1920–1923), успев выпустить всего девять книг, в том числе несколько значительных: сборник «Об Александре Блоке», неизданные стихотворения И. Анненского; книга стихов М. Кузмина; поэма Г. Маслова «Аврора». Единственным сотрудником издательства, занимавшим все должности от главного редактора до курьера, был его основатель Игнатий Игнатьевич Бернштейн (1900–1978), в литературе — Александр Ивич. Еще гимназистом он вошел в круг филологов. Был дружен с В. Шкловским, Б. Эйхенбаумом, Ю. Тыняновым, знаком с О. Мандельштамом, В. Ходасевичем, М. Кузминым, А. Ахматовой, В. Маяковским, В. Рождественским, М. Зощенко. Стремление запечатлеть расцвет духовной жизни тех дней привело И. Бернштейна к решению создать издательство. Он ставил перед собой две цели: пропагандировать творчество тех, чьим талантом восхищался, и сберечь то, что могло исчезнуть в эпоху исторических катаклизмов. В 1921 году начинающему издателю можно было обойтись без серьезной финансовой базы. Типографии, не имевшие заказов, готовы были работать на самых льготных условиях, иногда даже давали свою бумагу, а расплачиваться можно было, продав часть тиража. С началом нэпа положение изменилось: требовались реальные капиталовложения. Будь у издателя какой-никакой опыт в коммерческих делах, а у издательства толковый бухгалтер, «Картонный домик» мог бы устоять. Книги его пользовались спросом, часть изданий к 1923 году оказались распроданы. В планах издательства значились сборники «Поэты XVIII века» и «Об Анненском», «Введение в эстетику слова» Б. Энгельгардта, рассказы М. Зощенко, шли переговоры с Андреем Белым. Однако финансовые трудности оказались непреодолимыми, и к концу 1923 года издательство прекратило существование и было прочно забыто. На протяжении всей своей жизни Александр Ивич продолжал дело, начатое им в юности. Он хранил те произведения русской словесности, которым грозило уничтожение в эпоху террора: архивы В. Ходасевича, неопубликованные стихи и автографы О. Мандельштама, сберег рукописи книг, публиковавшихся в «Картонном домике». Лишившись издательства, он стал детским писателем и литературным критиком. Елена Воскобоева рассказывает не только о судьбе «Картонного домика», но и об истории книгоиздательств в начале XX века, книгоиздательств крупных, существовавших в форме паевых товариществ или акционерных обществ, и частных, коммерческих и некоммерческих. Создатели последних стремились воплотить в материальной форме свои идеи и творческие замыслы. В 1910-е годы Санкт-Петербург входил в число крупнейших городов России, в которых количество издательств превышало тысячу, и занимал первое место по количеству типографий и книготорговых заведений. К концу 1920-х годов кооперативные

и частные издательства практически были закрыты, книгоиздание стало монополией государства. В общую картину столичного книгоиздательского дела вписывается рассказ об издательстве «Картонный домик». Раскрывается символика названия: символом разрушающегося союза между любящими людьми картонный домик (вообще-то, распространенная в начале XX века елочная игрушка) стал в стихотворении М. Кузмина, символом отчаяния и разрушения у поэтессы М. Тамбовцевой. И. Бернштейн, называя так свое издательство, хотел достичь противоположного эффекта: соединить, объединить, возродить; сам образ дома обязывал создать безопасное пространство. Отдельная глава посвящена как осуществленным изданиям И. Бернштейна, так и неопубликованным. Первой книгой (1921) стала книга В. Рождественского «Лето; Деревенские ямбы: Стихи 1918 г.», всего 28 страниц, 17 стихотворений, тираж — 550 экз. Основу цикла составили поэтические тексты, вдохновленные детским летним отдыхом в Тульской и Санкт-Петербургской губерниях. Критика восприняла сборник неоднозначно: «мещанский уют». Негативные оценки повлияли на дальнейшую судьбу цикла: он никогда больше в такой редакции не публиковался. Важнейшая книга издательства, по мнению Е. Воскобоевой, — сборник статей «Об Александре Блоке» (1921), изданный через три месяца после смерти поэта. Это первая посмертная книга о Блоке. В ней девять статей, девять мини-исследований о поэзии А. Блока, его драматургии и публицистике, его искусстве как декламатора. Работы авторов, друзей поэта — Тынянова, Жирмунского, Пяста, Анциферова — стали не только своеобразными некрологами, но и отправной точкой развития собственного научного пути авторов. Изданный солидным тиражом для того времени (1000 экз.), сборник был моментально раскуплен и стал библиографической редкостью. Статья Жирмунского в этом сборнике была настолько интересной и цельной, что спустя год ее выпустили отдельной книгой, также ставшей библиографической редкостью. Уникальным изданием, с учетом того, что при жизни поэта был опубликован лишь один сборник, являются «Неизданные стихотворения» А. Дельвига под ред. М. Л. Гофмана (1922). Среди книг издательства «Эхо» М. Кузмина, два сборника стихов И. Анненского («Кипарисовый лапест» и «Посмертные стихи» под редакцией сына поэта В. Кривича), поэма Г. Маслова «Аврора». Последней книгой издательства стали рассказы М. Зощенко (1923, 3000 экз.). Е. Воскобоева знакомит и с «жителями» издательства, это и сам издатель, и создатель логотипа издательства художник А. Головин, и авторы издаваемых книг. Биографии, творческий путь, неформальные детали, емкие характеристики, цитаты из мемуаров, люди и идеи, вдохновлявшие их. «Младший» акмеист В. Рождественский, титан литературоведческой мысли XX века Б. Эйхенбаум, один из основоположников отечественного литературоведения В. Жирмунский, малоизвестный поэт Георгий Маслов (1895–1920), парнасец и пластик, прошедший Сибирь с армией Колчака и в двадцать пять лет скончавшийся от тифа. Завершают книгу художественные тексты, изданные в «Картонном домике»: цикл стихотворений В. Рождественского «Лето; Деревенские ямбы» и сборник статей «Об Александре Блоке». Они уникальны: в такой редакции этот материал больше никогда не публиковался. Полностью тексты всех девяти книг издательства будут опубликованы в авторской редакции во второй книге.

Павел Юрин. «Мяч в игре»: футбол в советской художественной прозе.
СПб.: Нестор-История, 2020. — 176 с.: ил.

Павел Юрин, филолог и спортсмен, обращается к теме, практически не затронутой в отечественном литературоведении, и рассматривает ее в историко-культурном кон-

тексте, от которого она неотделима. В Россию футбол был «завезен» английскими моряками и портовыми рабочими еще в 1860-е годы, отсюда принятая в России вплоть до середины 1930-х годов терминология: форвард (нападающий), вратарь (голкипер), защитник (бек)... Футбол стремительно набирал популярность. На рубеже XIX–XX веков спорт (и футбол в том числе) наравне с кинематографом, радио, телеграфом, транспортом входит в ряд новых для жизни общества реалий, которые осваивала художественная словесность, как поэзия, так и проза. С самого начала своего существования советская власть большое внимание уделяла спорту как важному средству формирования «нового человека». П. Юрин приводит соответствующие директивные документы советской власти, констатирует, что спорт «пропитал общественное сознание советских людей — не только потому, что им заставляли заниматься, но и потому, что он постоянно присутствовал во многих сферах культуры: в литературе, кино, театре, музыке, живописи и скульптуре». Он подробно пишет о том, как в советском обществе относились к футболу, наиболее популярной спортивной игре в ранние советские годы. И прежде всего опирается на мнения литераторов, сохранившиеся в воспоминаниях, дневниках и произведениях советских писателей. Футбол впервые появляется в текстах тех русских писателей, детство которых пришлось на 1900–1910-е годы. Неожиданные «открытия»: об игре в мяч писали О. Мандельштам и В. Набоков, учащиеся Тенишевского частного коммерческого училища в Петербурге, одного из первых учебных заведений, где стал приживаться футбол. В футбол в юности играли В. Бианки и Ю. Олеша, им увлекались М. Зощенко и М. Булгаков. Автор исследования приводит цитаты, в которых отражаются и настроения, и реальный спортивный опыт писателей. П. Юрин пишет о далеко не однородном отношении к футболу в обществе. Футбол стал предметом противостояния представителей разных поколений, гендерных споров, социальной борьбы, эстетической полемики, конфликта разных педагогических систем. В частности, существовало мнение о футболе как об игре, способной вызывать в населении лишь звериные инстинкты. Ярko высветилась проблема «отцы» и «дети». «Отцов» новая игра возмущала, «детей» восхищала. Проблема воззрений поколений на игру в мяч проходит лейтмотивом сквозь многие прозаические тексты советской литературы XX века. Наиболее полно столкновение взглядов на футбол отражено в повестях Н. Огнёва «Дневник Кости Рябцева» и Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома». Автор прослеживает появление и развитие в художественных произведениях литературных образов героев-футболистов, новых мотивов и сюжетных моделей. Рассмотрена система персонажей-футболистов в текстах первой половины XX века. Ключевыми фигурами являлись вратарь и нападающий. Спортивная дуэль игроков этих амплу воспроизводила метафорически ситуацию военного сражения или психологического столкновения, где вратарь выступал как защитник последнего рубежа обороны своей команды, а нападающий — персонажем, нарушающим охраняемую голкипером границу. Автор подробно рассматривает, как проходило в художественной литературе зарождение концепции «вратарь — защитник нации» и как шло ее развитие. Первопроходцем в создании образа героя-футболиста в советской прозе стал Ю. Олеша: в романе «Зависть» (1927) появился герой-вратарь, демонстрирующий способности нового человека в деле. Именно с «Зависти» в советской литературе рождается метасюжет противостояния вратаря и нападающего. Развитие концепции «вратарь — защитник нации» продолжилось в романе Л. Кассиля, спортивного журналиста и зачинателя советского спортивного романа «Вратарь Республики», главном художественном произведении на тему футбола в советской прозе первой половины XX века (1937). П. Юрин рассматривает все модификации образа вратаря, а также образы защитников и нападающих в произведениях советских писателей, прослежива-

ет связь образов с реальной общественно-политической ситуацией. Внимания удостоились даже образы болельщиков, ярко представленных у Л. Лагина в «Старике Хоттабыче». Присутствие футбола в советской прозе 1950–1980-х годов автор рассматривает в рамках особых тематических подгрупп, сложившихся в ходе развития советской литературы. Традиции освещения футбольной темы, заложенные Олешей, Кассилем, Лагиным, продолжили Борщаговский, Кузнецов, Кикнадзе, Нагибин, Трифионов... Многочисленные рассказы и повести детской литературы на тему футбола продолжают путь, намеченный текстами Огнёва, Носова. В ряде повестей находит свое отражение тема футбола на фоне войны, где особое место занимают произведения о матчах, сыгранных в блокадном Ленинграде, в оккупированном Киеве, в освобожденном Сталинграде (А. Кикнадзе «Тот длинный тайм», П. Северов и Н. Халемский «Последний поединок», А. Борщаговский «Тревожные облака», роман-документ А. Кузнецова «Бабий Яр»). С 1950-х по 1980-е корпус текстов возрастает от десятилетия к десятилетию в геометрической прогрессии. Многих писателей, родившихся в 1920–1930-е годы, чье творчество приходится на вторую половину 1980-х годов, уже не интересует отношение к игре. Новое время приносит новые темы. Авторы пытаются осмыслить причину массовой любви к игре в мяч, ищут ответ на вопрос, где корни фанатизма болельщиков и почему с развитием футбола, открытием новых стадионов начинает развиваться футбольный вандализм. Актуальными темами становятся денежный вопрос, договорные матчи, связь бизнеса и политики с футболом. Писатели задаются вопросом, правомерно ли считать спортивных героев «людьми-вещами», стоит ли футбольная карьера приносимых ей жертв и «есть ли жизнь» после завершения футбольной карьеры. Масштабы присутствия темы футбола в советской литературе неожиданны.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)